

Думаю, и в зените актерской славы Екатерина Васильева не подвергалась такому прессингу журналистской братии, как после растиражированного сообщения, что актриса оставляет театр и кино ради церкви. Новость с налетом сенсационности — вот и засуетился пишущий и снимающий люд. Только дергается он напрасно. Екатерина Сергеевна и слова теперь не скажет без благословения духовного наставника. А его, благословение, надо еще получить...

*Собеседник — 1996, — № 33 — с. 10 — 11*

# Екатерина Васильева

# В ТЫЛУ ВРАГА

— Екатерина Сергеевна, чтобы не ходить вокруг да около, рубану с революционной прямой. Что заставило вас столь радикально сменить жизненные декорации: вместо режиссера у вас теперь настоятель храма, вместо монологов актрисы — молитвы?

— Понимаете, существует определенный механизм воцерковления человека...

— Механизм, извините, чего?

— Воцерковления.

— Есть такое слово в русском языке?

— Конечно! Господи, до чего трудно говорить со светскими журналистами, вы же не знаете элементарных вещей, основополагающих понятий!

— Просветите, Екатерина Сергеевна. А вдруг со мной все не так безнадежно?

— Ой, не думаю, не думаю... Вы ведь, простите, совершенно безграмотны, знаете что угодно, кроме самого главного.

— Дадите умереть дремучим?

— Хорошо, попробую объяснить. Человек воцерковляется, то есть начинает жить церковной жизнью. Это происходит не сразу, не вдруг. Одному для этого требуется много времени, второй быстрее проникается смыслом христианского пути. Словом, воцерковление — борьба с грехом, очищение. Чем дальше человек продвигается по этому пути, тем менее заманчиво и интересно становится ему все то, что связывает с прошлой жизнью, а значит, с природой греха.

— Получается, ради религии приходится чем-то жертвовать?

— Нет же! Вы меня не дослушали. Между очищением и жертвой нет ничего общего. Человек добровольно ходит в храм, молится, причащается и в итоге воссоединяется с Христом. Разрыв с прежней греховной жизнью не есть сверхзадача, все получается само собой. Это естественный путь. Цель христианской жизни — спасение души, это главное, а все остальное — совершенно неважно.

— Вы уже вполне воцерковились? Я правильно слово употребил?

— Правильно... Но вопрос вы ставите со странной интонацией. Что значит «вполне»? Я живу так, как считаю правильным, и больше не хочу оглядываться назад, прислушиваясь к мнению тех, кто окружал меня вчера. Я три четверти жизни провела в самой гуще того греховного мира, и мне понадобилось 16 лет, чтобы окончательно понять, где мое настоящее место.

— А что с вами случилось 16 лет назад?

— Я крестилась. С того момента и начался процесс моего воцерковления. Видите? Это не какой-то порыв или взбрык, а осознанный, выстраданный выбор.

Поэтому мне и странны все эти ваши расспросы. Будто я была-была и вдруг сплыла. Нет же! Я не умерла, не улетела на другую планету. Что такого случилось? Человек нашел себя. Это так трудно понять?

— Честно? Трудно. Не будь вы актрисой Екатериной Васильевой, все воспринималось бы, наверное, проще, а так... Больно уж перепал резок: с подмостков — к алтарю.

— Бред какой-то! В православной России никому не пришло бы в голову пытаться человека, изводить его вопросами, почему он ходит в церковь. А теперь мир перевернулся с ног на голову, норма стала аномалией. Мне кажется, что с ума сошли все, кроме православных христиан.

— Рискованное заявление. Утверждать, что мир безумен, и при этом рассчитывать, что вас поймут...

— Так и есть: человеческий разум замутнен.

— За такие обвинения, Екатерина Сергеевна...

— Это не обвинения, а констатация, свидетельство. Норма — это жизнь православного христианина.

— И сколько же осталось на земле нормальных?

— Очень много. Где-то я прочитала, что в России 70 миллионов верующих православных.

— Свет клином не сошелся на нашей стране, люди живут и за ее пределами.

— То, что происходит за рубежом, меня не интересует. Мы с вами в России и говорим о ней.

Нет, нормальные люди есть. Другое дело, что говорить об этом даже опасно. С тех пор как в СССР религия была отделена от государства, официальная позиция не меняется, нас как бы стараются не замечать.

— Вас это задевает?

— Лично меня — нет. Но мне жалко людей, продолжающих жить во лжи, которую насаждаете вы, именно вы.

— Именно?

— Раньше и я участвовала в разложении людей посредством культурной агрессии.

— Признаться, не припоминаю в ваших ролях ничего агрессивного.

— Все это вред. Поэтому я и ушла. Иллюзия, будто артист на сцене выражает свое «я». Мы, как попки, повторяем чужие слова, несем чужие пагубные идеи. Чужое зло ретранслируется через актера. Чем артист талантливее, тем большее зло он сеет.

— Значит, вы знатный вредитель, раз еще в ветхозаветные времена удостоились звания народной артистки.

— Была вредителем. Я участвовала в постановке отвратительных спектаклей, снималась в жутких фильмах.

— Например?

— Да почти все!

— И вы раскаиваетесь в содеянном?

— Безусловно. Единственное оправдание — я не ведала, что творила. Тут очень тонкий обман: люди, занимающиеся культурой и искусством, часто все делают от чистого сердца, но, увы, окружающим это приносит вред не меньший, а то и больший. Происходит постепенная подмена: культура вытесняет религию, а

смотрят с удовольствием. Легкий, не нагружающий фильм, такое хи-хи-ха-ха.

— Вы сами все за меня сказали: в одном случае «трам-пам-пам», в другом — «хи-хи-ха-ха». Это очень вредно! Если человек ходит в церковь, тогда ему и хиханьки не повредят. Когда же эта псевдокультура — единственное, что осталось у людей, то как спасти душу? Она неминуемо погибнет. А ведь все наше пребывание на земле сводится к тому, чтобы подготовиться к вознесению в царствие небесное. Там за все грехи ответ держать придется.

— Не хочу вступать с вами в теологические споры, мой вопрос в другом. Я

— Какая провокация, о чем вы?

— Я ничего не знаю и знать не хочу о том, о чем вы спрашиваете.

— Тогда почему столь бурно реагируете на упоминание о президенте? Вы не приветствуете появление Бориса Николаевича в церкви?

— Я радуюсь за любого человека, нашедшего дорогу к храму.

— А вам не кажется, что увлечение религией становится модным?

— Опять вы попались в ловушку. Разговоры о том, что обращение людей к Богу — это дань моде, являются частью договоренности тех, кто борется с православием.

— Между кем договоренности?

— Откуда я знаю? Но есть силы, заинтересованные, чтобы православие не процветало. Людей зомбируют разговорами о моде, отвращают от церкви.

Вы мне не верите, думаете, наверное, что у меня совсем крыша поехала, а я вам говорю: с нами ведут изощренную борьбу. Как человеку идти в церковь, если его тут же начнут терзать вопросами вроде тех, которые вы мне задаете? Есть миллион способов дискредитировать самое свя-

так быть не должно. Театр не может заменить храм. Это разные знаки — плюс и минус. Когда я это поняла, то оказалась перед выбором. До определенного момента я находила какие-то компромиссы, но потом окончательно отрезала от того, что разрушает душу.

— И все же, Екатерина Сергеевна, нельзя ли чуть конкретнее. Что, к примеру, плохого в чеховской «Чайке», в которой вы неоднократно играли и Аркадину, и Машу?

— Строго говоря, и в тех спектаклях было отрицательное. Если бы я работала у православных режиссеров...

— А вам попались нехристи?

— Вы не понимаете: я говорю о людях верующих, которые задалась бы целью посредством спектакля обратить людей к Богу. Ефремов же заставлял меня играть Машу в постановке, где главной была некая интеллектуальная идея о людской разобщенности. Олег Николаевич пытался сказать то, что до него прекрасно живописал Антониони. Но дело даже не в этом. Мы играли, навевая на зрительный зал тоску надуманной дурью и банальщиной.

— **Петер Штайн догадывался, почему вы у него играли?**

— **Мы с ним из-за этого и разругались страшно. Он до сих пор моего имени слышать не может, визжать начинает. Хотя, по-моему, все нормально. Ему нужна была актриса, а мне — деньги.**

Что хотел сказать своим спектаклем Юра Погребничко, я до сих пор не знаю. Это человек невероятного дарования, думаю, даже с признаками гениальности, поэтому мне трудно понять все его прибамбасы. Я играла Аркадину, как того хотел режиссер. И что же в этом хорошего? Нам бы рассказать, что вся трагедия героев «Чайки» в жизни без Бога... У Чехова ведь были очень сложные отношения с церковью, собственно, все творчество Антона Павловича — об этом, как, впрочем, и у всякого крупного художника.

— Ладно, а что вам не нравится в «Обыкновенном чуде»? Вы так душевно пели с Юрием Соломиным — что-то о «трам-пам-пам»...

— Именно — о «трам-пам-пам». Разве это здорово?

— А «Соломенная шляпка»? По-моему, эту картину многие и сегодня

все не могу понять, что заставило вас, человека публичной профессии, столь резко изменить взгляды?

— Я же твержу вам: к этому решению я шла шестнадцать лет. Как трудно объяснить... Мы говорим с вами на разных языках. То, что для меня хорошо, для вас плохо, и — наоборот. Все было бы просто, если бы вы пришли ко мне со словами: «Катя, какая ты умница, наконец расквиталась с прошлым!» Но все продолжают твердить: «Как? Почему? Зачем? Вы сошли с ума!»

Вы не можете посмотреть дальше того факта, что Васильева, обратившись к Богу, окончательно ушла из кино и театра. Но я готова вам ответственно сказать, что сегодня уже могу вернуться на сцену — мне теперь это не опасно. Другое дело, что я не стану возвращаться.

В моем решении нет никакой сенсации, это выдуманная тема. Я не собиралась афишировать свой уход из актерства, информация просочилась в печать помимо моей воли. Но на все промысл Божий. Раз это случилось, значит, так должно быть. Надо использовать то обстоятельство, что пресса бежит ко мне в поисках жареных фактов. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

— Это и я, что ли, овца?

— И вы, и вы... Я не скрываю, что хочу использовать вас в своих целях. На самом деле православная проповедь очень редка, это только кажется, что государство изменило отношение к церкви. Нельзя упускать любую возможность публично обратиться к россиянам. Если после этого хоть один новый человек придет в храм, значит, я недаром теряла время на бессмысленный разговор с человеком, который не хочет меня понять.

— Что же вам так не повезло со мной — и дремучий я, и непонятливый, а теперь еще и вовсе парнокопытное...

— Религия учит смирению. Потерплю.

— Утешили. Кстати, а зачем вы перед интервью перекрестили мой диктофон?

— Крест — христианское оружие. Читайте Евангелие...

Крест — оружие, и слово — оружие. Проповедь способна творить чудеса. В России есть великие проповедники, достаточно один раз допустить их до телеэкрана, и завтра весь народ пойдет в храмы, но ведь не допускают же.

— На мой дилетантский взгляд, церковью сегодня грех жаловаться. Религиозные праздники приравняли к государственным, мэры храмы отстраивают, президенты со свечками перед иконами стоят.

— Это внешние проявления. И вообще: не провоцируйте меня вопросами о мэрах и президентах!

твое. Все ли православные могут выдержать испытание?

— И все-таки — о моде. Может, вы смотрели пару дней назад телепередачу...

— У меня нет телевизора.

— Давно?

— С Рождественского поста. Я готовилась к этому шагу и наконец решилась. Запихнула телевизор подале на антресоли и испытала такое облегчение — передать словами не могу...

— Поскольку у меня телевизор стоит в красном углу, продолжу об увиденном. Рассказывали анекдот о новом русском, который пришел в ювелирный магазин покупать натальный крест. Разумеется, золотой. Никак не мог найти подходящий — маловаты были. Наконец, продавец принес из запасника полукристалловый крест. Покупатель довольно кивнул и говорит: «Только гимнаста с креста сквиригите, а то братва засмеет». По-моему, анекдот похож на правду. Крест этому new gussian для понта нужен.

— Это все неважно. Какие странные примеры вы находите! Почему нужно говорить о новых русских, но не обращать внимания на истинно верующих? Впечатление, что вы сознательно выискиваете негативные моменты в этой огромной, уникальной православной культуре. Вы гордиться должны, что живете в удивительной стране — единственной носительнице чистой православной веры, заведенной нам Христом и апостолами. Это главное, что есть во Вселенной. Зачем ловить блох, выпитывать у меня, по какой причине я отказалась играть роли разных идиотов и пришла к Богу? Порадуйтесь за меня!

— Пойму — тогда порадуемся.

— Нельзя так, нельзя! Что вы все причитаете об актрисе Васильевой? Приходите в церковь, там и встретимся.

— А вне церкви вы готовы общаться? К примеру, находите темы для разговоров с бывшими своими коллегами?

— Если они не слышат меня так же, как и вы, то все сводится к трепу о погоде и здоровье. Конечно, мне это не интересно. Скажем так: ваши проблемы меня сегодня не волнуют.

— Вы, наверное, многих из-за таких взглядов потеряли?

— У меня никогда не было слишком широкого круга общения среди актеров.

— Но прежде вам приходилось скрывать свою веру?

— Нет, все шло естественным путем. Я воцерковлялась. Запомнили это слово?

— Надеюсь. А что случилось с вами шестнадцать лет назад, почему вы решили креститься?

— У каждого свое. Люди приходят в церковь по-разному.